

Лучант указал на лицо Цинь Гуаня на объективе. «Ты никогда не видел своего отца, но ты восхищаешься им. А как насчет тех лет, которые ты прожил без него? Тот факт, что он ушел безо всяких вестей? Разве не должно быть ненависти?»

«Люди сложны, ни одна эмоция не может выразить их чувства. Ты был довольно хорош в этой сцене, но эмоций было недостаточно. Аудитория будет чувствовать только тепло. Этого недостаточно. Ты должен объединить множество эмоций».

«Основа заключается в малейших выражениях. Ты должен сделать так, чтобы аудитория смогла запомнить тебя даже по одному движению губ».

«Таким образом, ты добьешься своей награды – лучший актер. Ты же не хочешь, чтобы зрители приходили в кинотеатр и платили только за твое лицо. Если это так, то я не должен был возлагать на тебя большие надежды. В этом случае тебе не нужно сниматься инди-фильмах. Если ты просто заиклен на своем лице, то режиссеры коммерческих фильмов встретят тебя с распростертыми объятиями».

Слова Луканта открыли ворота в таинственную страну, где актеры не полагались на свое лицо, чтобы сниматься в кино.

Цинь Гуань поправил свой костюм и низко поклонился благородным режиссерам. Благодарю вас за доверие и поддержку, за ваши рекомендации и опыт, а также за ваше напоминание. В моей карьере загорелся еще один маяк.

Цинь Гуань вернулся на свое место, вспомнив своего отца. Его отец всегда был строг с ним дома, но он всегда защищал его вне дома. Если бы его не было в моей жизни, моя ненависть к нему была бы больше, чем моя любовь.

Цинь Гуань жестом предложил режиссерам начать все заново. Теперь он чувствовал настоящие эмоции героя.

Лукант был удивлен, но доволен. Молодой человек казался более мягким, чем раньше. Цинь Гуань не играл сейчас. Он был настоящим евреем.

Воспользовавшись этим, Лучант включил камеру.

«Три, два, камера!»

Камера начала снимать. Цинь Гуань сидел на своем стуле, надеясь и боясь, как будто его отец никогда не покидал его. Шум телевизора прервал его задумчивость, вернув его к реальности и в те дни, когда он жил без отца.

Парень внезапно стал подавленным. Его трясущиеся губы и нахмуренные брови предавали его печаль и горе. Его ясные глаза были туманными, но слезы в них, казалось, появлялись неохотно.

Все молчали. Все они были поглощены сценой. Через две минуты режиссер сказал: «Снято!»

Все начали двигаться, как будто нажата кнопка «играть». Они пытались скрыть свои чувства. Они не хотели плакать рядом с Цинь Гуанем.

Их слезы были похожи на кристаллы. Парящие в воздухе, покрытые пылью ...

Внезапно Цинь Гуань встал и ушел. Стоя на обочине с рюкзаком, он позвонил.

Через некоторое время на другом конце линии раздался знакомый голос.

«Алло, сынок? Уже поздняя ночь. Что-то случилось? Что-то не так? Ты потерял деньги? Вставай! Наш сын звонит!»

Внезапно Цинь Гуань понял, что в Китае была поздняя ночь. Его звонок разбудил родителей.

«Сын, что случилось? Америка действительно не хорошая страна! Если ты не счастлив, ты можешь просто вернуться домой ...»

Никаких вопросов не было, просто сердце, которое любило безоговорочно.

Цинь Гуань снова заплакал. «Я скучаю по тебе, пап...»

После долгого молчания голос отца начал дрожать. «Почему ты такой жестокий? Эй, он сказал, что он скучает по мне, а по тебе!»

Цинь Гуань рассмеялся над его восхищенным голосом. Внезапно его печаль исчезла.

«Спокойной ночи, папа, жди меня дома ...»

Его отец все еще смеялся по телефону. Цинь Гуань с улыбкой повесил трубку. Внезапно за ним появились братья Батист.

«Эй, что вы здесь делаете? Вы напугали меня!»

Близнецы обменялись взглядами, прежде чем старший сказал.

<http://tl.rulate.ru/book/6769/299301>